

Полное собрание сочинений

Михаила Семенова Толстого.

Томъ 5.

Издание
Раздела изящной словесности
Императорской Академии Наукъ.

Академическая Библиотека Русскихъ Писателей.
Выпускъ 6-й.

Полное собрание сочинений
М. Ю. Лермонтова.

томъ пятый.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
Проф. Д. И. Абрамовича.

Издание
Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
1913.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

Отъ редактора.	
1.— М. Ю. Лермонтовъ.	
Обзоръ источниковъ для биографіи	I
Материалы для биографіи и литературной характеристики	XVI
2.— Хронологическая канва для биографіи Лермонтова	1
3.— Рукописи Лермонтова.	
Рукописи Лермонтовского Музея	26
Рукописи Императорской Публичной Библиотеки	33
Рукописи Императорского Россійского Исторического Музея	37
Рукописи библиотеки Императорской Академіи Наукъ	38
Рукописи Московского Публичного и Румянцовского Музеевъ	38
Рукописи Лермонтова, принадлежащіе разнымъ лицамъ и учрежденіямъ	39
4.— Списокъ произведеній Лермонтова по времени первого по- явленія ихъ въ печати	43
5.— Обзоръ изданій сочиненій Лермонтова	60
6.— Лермонтовъ у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англи- чанъ	77
Лермонтовъ у славянъ. Статья П. А. Заболотскаго	79
Лермонтовъ у нѣмцевъ. Статья Fr. Dukmeyer'a	102
Лермонтовъ у французовъ. Статья A. Mazon'a	116
Лермонтовъ у англичанъ. Статья K. N. Фаминского	123
7.— Обзоръ литературы о Лермонтовѣ	127
8.— О языкѣ Лермонтова	182
9.— О стихѣ Лермонтова	206
10.— Лермонтовъ—художникъ. Статья барона Н. Н. Врангеля . .	210

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1918 года.

За Непремѣнного Секретаря, Академикъ *А. Шахматовъ*.

Печатано въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

Автотипы и всѣ клише исполнены у Р. Голике и А. Вильборга и въ типографіи
„Сиріусъ“.

Бумага—Т-ва Красносельской Писчебумажной фабрики насл. К. П. Печаткина.
Шрифт—Словолитни Г. Берггольда.

Переплетные работы — фабрики Фр. Кана въ С.-Петербургѣ.

	стр.
11.—Обзоръ художественныхъ работъ Лермонтова. Статья Б. С. Мосолова	218
12.—Иллюстрированныя изданія Лермонтова. Статья барона Н. Н. Врангеля	227
13.—Лермонтовъ и русская музыка. Статья проф. С. К. Булича.	230
14.—Приложения.	
1. Стихотворенія Лермонтова, не вошедшиа въ собрание его сочинений	236
2. Стихотворенія, приписываемыя Лермонтову	240
3. О воспроизведеніяхъ, помѣщенныхъ въ изданіи	243
15.—Указатель собственныхъ имень, встрѣчающихся въ со- чиненіяхъ и письмахъ Лермонтова	247

Портреты, рисунки, факсимиле.

	стр.
М. Ю. Лермонтовъ въ 1841 году. (Съ портрета масляными красками, работы А. П. Шанть-Гирея. Собственность Лермонтовскаго Музея)	IX
М. Ю. Лермонтовъ въ дѣтскомъ возрастѣ. (По фотографии съ портрета масляными красками. Собственность Лер- монтовскаго Музея)	XXV
Памятникъ на могилѣ М. Ю. Лермонтова въ Тарханахъ . .	CXXVIII
Факсимиле показанія Лермонтова, 16-го марта 1840 г., по дѣлу о дуэли съ Барантомъ	LXXXIX
Двадцать два воспроизведенія картинъ и рисунковъ Лер- монтова	224—225

Отъ редактора.

Пятый томъ заканчивается изданіе полнаго собрания сочинений Лермонтова. Согласно общему плану изданія, весь пятый томъ отведенъ вводнымъ и объяснительнымъ статьямъ.

Изъ лермонтовскихъ произведеній сюда внесены тѣ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли войти въ предшествовавшіе томы; кромѣ того, въ этомъ же томѣ приведены перечень произведеній, приписываемыхъ Лермонтову, какъ напечатанныхъ, такъ и извѣстныхъ намъ по рукописнымъ собраниямъ.

Кромѣ редактора, которому принадлежать всѣ статьи безъ подпіси, въ настоящемъ томѣ, по приглашенію Комиссіи по изданію „Академической Библіотеки русскихъ писателей“, приняли участіе слѣдующія лица: проф. С. К. Буличъ, баронъ Н. Н. Врангель, Fr. Dukmeuer, проф. П. А. Заболотскій, А. Мазонъ, Б. С. Мосоловъ и К. Н. Фаминскій. За оказанное содѣйствіе изданію редакторъ съ своей стороны считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

Въ заключеніе, редакторъ не можетъ обойти молчаніемъ, что изъ лицъ, упомянутыхъ въ предисловіи къ первому тому, многія продолжали оказывать помощь сообщеніемъ тѣхъ или иныхъ матеріаловъ и свѣдѣній за все время печатанія изданія; къ этому списку лишь редакторъ съ признательностью присоединяетъ еще имена Н. Р. Александренко, А. И. Арапова, И. И. Байкова, А. Л. Бертие-Делагарда, Я. Д. Верховца, В. В. Граве, В. Н. Кораблева, Э. Э. Лямбека, В. В. Майкова, Б. М. Микѣшина, М. М. Милевскаго, О. А. Новосильцовой, В. А. Францева.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

„Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь“. (I, 146).

„Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными какъ вѣчность“. (II, 166).
„А душу можноль разсказать?“ (II, 311).

Обзоръ источниковъ для біографіи.

Фактическій матеріалъ для біографіи Лермонтова очень невеликъ и малозначителенъ.

О раннихъ годахъ жизни поэта, проведенныхъ въ Тарханахъ, о переѣздѣ въ Москву и пребываніи въ Благородномъ Пансіонѣ—рассказывается Акимъ Павловичъ Шань-Гирей, сынъ родной племянницы Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой („Русское Обозрѣніе“ 1890 г., кн. VIII, стр. 724—54) *).

Воспитываясь въ домѣ бабушки М. Ю. Лермонтова, сначала въ Тарханахъ, а потомъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Шань-Гирей, повидимому, всегда былъ близокъ къ поэту, насколько позволяла разница въ лѣтахъ и характеръ Лермонтова.

*) Рассказъ Тархановскихъ старожиловъ — восьмидесятилѣтаго старика М. В. Шушерова, „сверстника дѣтскихъ игр“ Лермонтова („Саратовскій Листокъ“ 1901 г., № 151. Ср. „Новое Время“ 1901 г., № 9113), и церковнаго сторожа М. Каштанова, 95 лѣтъ (ср. „Новое Время“ 1901 г., № 9191), изображаютъ явными несообразностями, вплоть до „воспоминаний“ о такихъ близкихъ Лермонтову лицахъ, которымъ никогда въ Тарханахъ и не были.

Но свои воспоминанія о Лермонтовѣ, обнимающія всю жизнь поэта, Шант-Гирея записалъ лишь въ 1860 году, и этимъ, вѣроятно, объясняются нѣкоторыя фактическія неточности въ его разсказѣ, напр., что Лермонтовъ родился въ Тарханахъ; поступилъ въ Московскій университетъ въ 1831 г.; английскому языку началъ учиться въ 1829-мъ; въ послѣдній разъ прѣѣхалъ въ Петербургъ къ новому 1841 году, и др.

Нѣсколько интересныхъ подробностей о дѣтствѣ Лермонтова находимъ также въ „Замѣткахъ и воспоминаніяхъ художника-живописца“ М. Е. Меликова („Русская Старина“ 1896 г., кн. VI, стр. 648—49).

Особенно любопытно признаніе Меликова, что онъ никогда не въ состояніи былъ бы написать портретъ Лермонтова,—до того были непостоянны и неправильны очертанія его лица. „Однѣ только К. П. Брюловъ совладалъ бы съ такой задачей, такъ какъ онъ писалъ не портреты, а взгляды“...

О пребываніи Лермонтова въ Московскому Благородному Пансионѣ и Университетѣ отрывочныхъ свѣдѣній имѣемъ въ воспоминаніяхъ А. М. Миклашевскаго, товарища М. Ю. по Пансиону и Юнкерской школѣ („Русская Старина“ 1884 г., кн. XII, стр. 589—92), и П. Ф. Вистенгофа, поступившаго въ 1830 г. вольнымъ слушателемъ въ Московскій Университетъ („Исторический Вѣстникъ“ 1884 г., кн. V, стр. 328—37) *).

Много мѣста отведено воспоминаніямъ о Лермонтовѣ въ „Запискахъ“ Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушкиной, составленныхъ въ 1836—1837 гг. Эти „Записки“, печатавшіяся сначала въ „Вѣстникѣ Европы“ (1869 г., кн. VIII и IX), а потомъ изданныя отдельно М. И. Семевскимъ, какъ „Материалы для биографіи поэта М. Ю. Лермонтова“ (С.-Пб. 1871 г.),—подверглись очень жестокой критикѣ со стороны родной сестры автора, Елизаветы Александровны Ладыженской („Русскій Вѣстникъ“ 1872 г., кн. II, стр. 637—62).

Называя „похвальнымъ словомъ“ ту оцѣнку „Записокъ“, какая сдѣлана имъ издателемъ, Е. А. Ладыженская замѣчаетъ: „я согласна

* Нѣсколько строкъ посвящено Лермонтову и въ университетскихъ воспоминаніяхъ Гончарова, поступившаго въ Московскій Университетъ осенью 1831 г.; познакомиться они не успѣли.

съ нимъ (т. е. М. И. Семевскимъ) въ одномъ: подобный словесный памятникъ не безцѣльенъ, на немъ ярко отпечатывается весь колоритъ вполнѣ развитой галлюцинаціи, въ которой истинные друзья кажутся заклятыми врагами, жестокіе насыщники—наипреданными поклонниками. Каждый изъ насъ имѣетъ право въ своихъ четырехъ стѣнахъ марать бумагу чѣмъ и сколько ему угодно. Иногда занятіе это—единственное прибежище для разсѣянія слишкомъ сосредоточенной мысли, для успокоенія взволнованныхъ до боли чувствъ, для разрѣшенія, безъ пособій доктора, накопившейся желчи, и происходящихъ отъ этого движений досады, гнѣва, недоброжелательства. Но такія бумагомаранія личностей, находящихся въ исключительномъ физическомъ или нравственномъ настроеніи,—не для печати, или ихъ озаглавливаютъ иначе“. (Стр. 610).

Не будемъ спорить, что въ „Запискахъ“ Сушкиной много преувеличеній и вольныхъ или невольныхъ ошибокъ, но что касается „истории любви“, то фактическая достовѣрность ея вполнѣ подтверждается разсказомъ самой же Ладыженской (стр. 650—56).

Несомнѣнно также и то, что было время, когда Лермонтовъ серьезно увлекался Е. А. Сушкиной, и его послѣдній поступокъ въ отношеніи къ ней является актомъ мести за прошлое. (Сочинен., т. IV, 322—24 и 400—401).

Наконецъ, сохранились свѣдѣнія, что отношенія Лермонтова къ Сушкиной на этомъ не прекратились: онъ былъ у нея на свадьбѣ, при чѣмъ разсыпалъ соль по полу, говоря: „пусть молодые новобрачные ссорятся и враждуютъ всю жизнь“; навѣщалъ ее въ Тифлісъ, когда она жила тамъ со своимъ мужемъ („Записки“, 182); умирая, послать ей, „какъ сестрѣ“, снятое съ руки кольцо („Русская Мысль“ 1890 г., кн. XI, стр. 100—101; Н. Д. Хвоцинская-Заончковская въ письмѣ къ Н. К. Михайловскому).

О жизни Лермонтова въ Юнкерской школѣ вспоминаютъ его товарищи: А. М. Миклашевскій („Русская Старина“ 1884 г., кн. XII, стр. 589—92), А. Меринскій („Русскій Миръ“ 1872 г., № 205) и Н. С. Мартыновъ („Русскій Архивъ“ 1893 г., II (8), 586—91) **).

**) Миклашевскій былъ того-же X-го выпуска, что и Лермонтовъ, а Меринскій и Мартыновъ—слѣдующаго, т. е. XI-го (1835 г.). Наибольшій интересъ представляютъ воспоминанія Мартынова.

Что касается военной службы Лермонтова, то свѣдѣнія о ней даютъ мѣсячные отчеты тѣхъ полковъ, въ которыхъ онъ служилъ, формулярные списки, наградные и кондунитные. Но этотъ официальный материалъ, хранящійся въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба, въ Лермонтовскомъ Музѣѣ, въ Военно-Историческомъ отдѣлѣ штаба Кавказскаго военного округа, въ Центральномъ архивѣ при управлении Владикавказской мѣстной бригады и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, — особеннаго довѣрія не заслуживаетъ и требуетъ весьма критического отношенія. Напр., во многихъ формулярныхъ спискахъ значится, что Лермонтовъ въ 1837 г. „находился въ экспедиціи за Кубанью подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вельяминова“, а въ формуляре, составленномъ въ 1840 г., по случаю представления къ наградѣ за Валерикъ, находимъ подробнѣйшія свѣдѣнія объ участіи поэта въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линии на восточномъ берегу Чернаго моря, отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вуланъ. Между тѣмъ, изъ другихъ, вполнѣ компетентныхъ источниковъ узнаемъ, что Нижегородскій драгунскій полкъ, въ которомъ тогда служилъ Лермонтовъ, не принималъ никакого участія въ экспедиціи Вельяминова. Или: конецъ октября и начало ноября 1840 г. Лермонтовъ провелъ въ Крыму съ шт-е Гоммеръ де-Гельль, а по свѣдѣніямъ одного наградного списка, при рапортѣ командовавшаго кавалеріею на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, онъ въ это время принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ новомъ походѣ въ Большую и Малую Чечню. Въ отчетѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка за май 1841 г. Лермонтовъ показанъ „на левомъ флангѣ для участія въ экспедиціи съ 18 мая сего года“, а между тѣмъ въ это время поэтъ лѣчился въ Пятигорскѣ.

Любопытны служебныя аттестаціи Лермонтова, напр.: „Въ слабомъ отравленіи обязанностей по службѣ замѣченъ не быть, беспорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ“; „Къ повышенію чиномъ достоинъ, а къ знаку отличія бесспорочной службы за невыслугу лѣть не аттестованъ“; „По службѣ — усерденъ, способностей ума — хорошихъ, въ нравственности — хороши, въ хозяйствѣ — хороши“, и т. п. *).

*) О прохожденіи Лермонтовыемъ военной службы см. также: Исторический очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. С.-Пб. 1873 г.; К. Манзей.

О литературно-общественныхъ отношеніяхъ Лермонтова и его свѣтской жизни узнаемъ изъ „Записокъ“ А. О. Смирновой (ч. II. С.-Пб. 1897 г.), воспоминаній Н. М. Сатина („Починъ“. Сборникъ Общества любителей российск. словесн. на 1895 г.), А. Н. Муравьева („Знакомство съ русскими поэтами“. Киевъ, 1871), И. И. Панаева („Современникъ“ 1861 г., кн. II, стр. 656—63), М. Н. Лонгинова („Русск. Старина“ 1873 г., кн. III, стр. 380—92, и IV, стр. 566), гр. В. А. Соллогуба („Историч. Вѣстникъ“ 1886 г., кн. IV—VI), гр. Е. П. Ростопчиной („Русская Старина“ 1882 г., кн. IX, стр. 610—19), И. С. Тургенева, имѣвшаго случай два раза видѣть Лермонтова, Фр. Боденштедта („Современникъ“ 1861 г., кн. II, стр. 326—28), кн. А. В. Мещерскаго („Русск. Архивъ“ 1900 г., № 9, стр. 80—81), Н. М. Смирнова („Русск. Архивъ“ 1882 г., № 2, стр. 240—41), А. Я. Головачевой-Панаевой („Историч. Вѣстникъ“ 1889 г., кн. II, стр. 313), гр. А. Д. Блудовой („Вѣстникъ Европы“ 1890 г., кн. V, стр. 293—94). Ср. „Русск. Арх.“ 1889 г., № 1), и др. **).

А. О. Смирнова относилась къ „Лермѣ“, — какъ она называетъ поэта въ своихъ „Запискахъ“, — нѣсколько покровительственно, но вполнѣ доброжелательно. „Мнѣ всегда его было жаль: онъ чувствовалъ, чего ему недостаетъ, но его своенравный, бурный характеръ, отсутствие простоты и страшное самолюбіе мѣшали ему порвать съ привычками... Странная натура, полная противорѣчий, — соединеніе чудныхъ вещей съ иногда просто антипатичными проявленіями“. (Стр. 41 и 44). Особенно подкупало Смирнову благоговѣйное отношеніе Лермонтова къ Пушкину. „Онъ весь оживляется, лицо его принимаетъ другое выраженіе, когда заговорить о нашемъ Сверчкѣ, смерть котораго для него громадная потеря. Очевидно, онъ былъ бы Жуковскимъ Лермонтова, имѣль-бы на него нравственное влияніе... Онъ его любилъ; пожалуй, это даже единственный человѣкъ, котораго

Исторія Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Его Величества полка. Ч. III; В. Потто. Исторія 44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка. Т. IV; Ю. Елецъ. Исторія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Т. I, С.-Пб. 1890; Д. В. Раковичъ. Тенгинскій полкъ на Кавказѣ. Тифлісъ 1900.

*) Много любопытнаго въ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ В. П. Бурнашева, относящихся къ 1836 и 1837 гг. („Русск. Архивъ“ 1872 г., № 9; „М. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ“), но достовѣрность этихъ разсказовъ очень сомнителна.

онъ такъ сильно любилъ, и смерть котораго была большимъ горемъ для Лермонтова. Онъ-бы его сдерживалъ, направлялъ, совѣтовалъ "... (Стр. 34—35). Если вѣрить „Запискамъ“ (стр. 26), поэты были и лично знакомы, встрѣчаясь въ салонѣ Смирновой.

Мужъ А. О. Смирновой, Н. М. Смирновъ, въ своихъ „памятныхъ замѣткахъ“, довольно подробно разсказываетъ о второй ссылкѣ Лермонтова (изъ-за дуэли съ Барантомъ) и даётъ характеристику Лермонтова по сравненію съ Пушкинъмъ. „Онъ не имѣлъ начитанности Пушкина, ни рѣзкаго, проницательного его ума, ни его глубокаго взгляда, ни чувствительной, всеобъемлющей души его. Его характеръ не былъ еще совершенно сформированъ и, безпрестанно увлеченъ обществомъ молодыхъ людей, онъ характеромъ быть моложе, чѣмъ слѣдовало по лѣтамъ. Онъ еще любилъ шумную, разгульную жизнь, волочиться за дамами, подваться на сабляхъ, заставить о себѣ говорить, подтрунить, пошутить и жаждать болѣе славы свѣтской, остряка, чѣмъ славы поэта. Эта молодость убила его... Нѣтъ сомнѣнія, что если онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и еслиъ могъ оставить службу и удалиться (какъ онъ хотѣлъ) въ деревню, онъ близко бы достигъ высоты Пушкина“.

Съ Н. М. Сатинскимъ, товарищемъ по Московскому Благородному Пансиону, Лермонтовъ довольно близко сошелся лѣтомъ 1837 г., въ Пятигорскѣ; черезъ него онъ познакомился съ Бѣлинскимъ и докторомъ Майеромъ, а нѣсколько позже, въ Ставропольѣ, съ декабристами — кн. В. М. Голицынымъ, М. А. Назимовымъ, кн. А. И. Одоевскимъ и др.

Личное знакомство А. Н. Муравьевъ съ Лермонтовымъ началось вскорѣ послѣ производства поэта въ офицеры, но съ его стихами (между прочимъ, поэмою „Демонъ“) Муравьеву пришлося ознакомиться еще раньше, черезъ М. И. Цейдлера, товарища М. Ю. по Юнкерской Школѣ.

„Лермонтовъ, — вспоминаетъ Муравьевъ, — просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ: живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непрѣтенъ для слуха, какъ бывало у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ онъ сходство. Часто читалъ мнѣ молодой гусарь свои стихи, въ которыхъ отзывались пылкія страсти юношескаго возраста, и я говорилъ ему: „отчего онъ не избереть болѣе высокаго

предмета для столь блестящаго таланта?...“... Хорошія отношенія между ними сохранились на всю жизнь, и Муравьевъ нѣсколько разъ помогъ Лермонтову своими связями въ III Отдѣленіи.

И. И. Панаевъ познакомился съ Лермонтовымъ у А. А. Краевскаго, съ которымъ поэтъ былъ довольно близокъ и даже былъ съ нимъ на „ты“.

„Лермонтовъ, — передаетъ Панаевъ, — заѣжалъ къ Краевскому по утрамъ (это было въ первые годы „Отечественныхъ Записокъ“, въ 1840 и 41 годахъ) и привозилъ ему свои новые стихотворенія. Входя съ шумомъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтовъ подходилъ къ столу, за которымъ сидѣлъ редакторъ, разбрасывалъ корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ Краевскаго со стула. Поэтъ пускался въ разсказы о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣжалъ. Посѣщенія его были непродолжительны... Между прочимъ, Панаеву пришлось быть свидѣтелемъ, какъ Лермонтовъ тщетно пытался исправить указанный Краевскимъ „маленький грамматический промахъ“ въ стихѣ „Изъ пламени и свѣта“. „Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому столу съ выемкой, обмокнулъ перо и задумался... Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали. Наконецъ Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ: „Нѣтъ, ничего нѣдѣль въ голову. Печатай такъ, какъ есть. Сойдетъ съ рукъ“...

Гр. Е. П. Ростопчина помнила Лермонтова еще мальчикомъ, когда онъ „старался свернуть голову“ ея кузинѣ Е. А. Сушковой. „Онъ былъ дуренъ собой, и эта некрасивость, уступившая впослѣдствии силѣ выраженія, почти исчезнувшая, когда геніальность преобразила простыя черты его лица, была поразительна въ его самые юношеские годы. — Она-то и порѣшила образъ мыслей, вкусы и направление молодого человѣка, съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ. Не признавая возможнаго нравиться, онъ рѣшилъ соблазнять или пугать и драпировался въ байронизмъ, который былъ тогда въ модѣ. Донъ-Жуанъ сдѣлался его героямъ, мало того, его образомъ; онъ стала бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта дѣтская игра оставила неизгладимые слѣды въ подвижномъ и впе-

чагательномъ воображениі; вслѣдствіе того, что онъ представляль изъ себя Лара и Манфреда, онъ привыкъ быть такимъ... Я до сей поры помню странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ бѣднымъ ребенкомъ, загrimированнымъ въ старика и опередившимъ года страстей трудолюбивымъ подражаніемъ”...

Особенно близко они познакомились весною 1841 года, въ послѣдній пріездъ Лермонтова въ Петербургъ.

Своими воспоминаніями о поэтѣ Ростопчина подѣлилась съ А. Дюма уже не задолго до смерти. „Я еще больше разболѣлась, — читаемъ въ ея письмѣ, — такъ слаба, что почти не покидаю постели и такъ поглупѣла, что едва-едва себя узнаю. Однако, не сомнѣвайтесь ни въ одной изъ подробностей, мною вами сообщаемыхъ; онъ продиктованы мнѣ памятью сердца, а она, вѣрьте мнѣ, переживаетъ память разсудка”...

Гр. В. А. Соллогубъ, повидимому, довольно часто встрѣчалъ Лермонтова у Карамзинъхъ и въ другихъ домахъ. Но къ разсказамъ его о большой близости съ Лермонтовымъ и о томъ, что поэтъ посвящалъ его въ свои литературные замыслы — нельзѣ относиться съ полнымъ довѣріемъ, помня репутацію Соллогуба, „вертопраха“ и „хвастуна“, какъ характеризуетъ его А. О. Смирнова („Записки“, ч. II, стр. 9—10).

Между прочимъ, Соллогубъ признается, что онъ „изобразилъ свѣтское значеніе“ Лермонтова, подъ именемъ Леонина, въ повѣсти „Большой свѣтъ“, написанной по заказу великой княгини Маріи Николаевны.

Вотъ какъ характеризуетъ этого Леонина, въ разговорѣ съ его бабушкою, одинъ изъ героевъ повѣсти (Сафьевъ): „Леонинъ, внукъ вашъ, хороший и добрый малый; но въ свѣтѣ, Настасья Александровна, онъ ничего не значитъ; онъ не что иное, какъ маленький Леонинъ, офицерчикъ изъ арміи, довольно бѣдный, никому не родня; имя его — Леонинъ — похоже на водевильное и вовсе ничего не имѣть аристократического, т. е. знатнаго, однимъ словомъ, Миша вашъ въ свѣтѣ менѣе нуля... Не имѣя состоянія, ни родства, ни связей, вашъ внукъ бросился въ большой свѣтъ, втерся во всѣ переднія, кланялся всѣмъ нашимъ толстымъ барынямъ, началь пренебрегать службой, надѣлалъ цѣлую пропасть долговъ, жить въ вѣчной лихорадкѣ”...

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Съ оригинала, писанного масляными красками Я. П. Шань-Гиреемъ.
(Собственность Лермонтовскаго Музея).

Изъ-за дуэли съ однимъ изъ великосвѣтскихъ пріятелей Леонина „выпроваживаются“ изъ Петербурга, гдѣ онъ, по его собственнымъ словамъ, „скоронилъ заживо свою молодость“ *).

Воспоминанія о Лермонтовѣ князя А. В. Мещерскаго относятся къ 1840 году. Познакомились они въ Москвѣ, въ семействѣ Мартыновыхъ. „Войдя въ многолюдную гостиную дома, принимавшаго всегда только одно самое высшее общество, я,—рассказываетъ Мещерскій,—съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ среди гостей какого-то небольшого роста пѣхотнаго армейскаго офицера, въ весьма нещегольской армейской формѣ, съ краснымъ воротникомъ безъ всякоаго шитья. Мое любопытство не распространилось далѣе этого минутаго впечатлѣнія: до такой степени я былъ увѣренъ, что этотъ бѣдненький армейскій офицеръ, попавшій, вѣроятно, случайно въ чуждое ему общество, долженъ обязательно быть человѣкомъ весьма мало интереснымъ. Я уже было совсѣмъ забыть о существованіи этого маленькаго офицера, когда случилось такъ, что онъ подошелъ къ кружку тѣхъ дамъ, съ которыми я разговаривалъ. Тогда я пристально посмотрѣлъ на него и такъ былъ пораженъ яснѣмъ и умнѣмъ его взглядомъ, что съ большимъ любопытствомъ спросилъ обѣ имѣни незнакомца. Оказалось, что этотъ скромный армейскій офицеръ былъ никто иной какъ поэтъ Лермонтовъ... Замѣчательно, какъ глаза и ихъ выраженіе могутъ изобличать гениальныя способности въ человѣка“ ...

Кн. Мещерскій отзываетъ о Лермонтовѣ, какъ о „препрѣтномъ себесѣднике“ и неподражаемомъ разсказчикѣ анекдотовъ, особенно изъ малороссийскаго быта, но добавляетъ, что „изошпять свой умъ въ насмѣшкахъ и остротахъ постоянно надѣ намѣченной имъ въ обществѣ жертвой, составляло одну изъ рѣзкихъ особенностей его характера“ **).

Поэтъ и переводчикъ Фр. Боденштедтъ познакомился съ Лер-

*) Насколько удалась Соллогубу его попытка „вывести“ Лермонтова, можно судить по тому, что ни самъ Лермонтовъ, ни Бѣлинскій, повидимому, не отгадали замысловъ автора. (Ср.: Пынинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38).

**) По словамъ Мещерскаго, Лермонтовъ время отъ времени набѣжалъ въ свое имѣніе въ Малороссіи, гдѣ выучился хорошо говорить по-малороссийски. (Ср. замѣтку А. И. Маркевича въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., № 12, стр. 622). Но къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ поэтъ относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ къ „ковырянію земли“.

монтовыми весною 1841 года, когда Лермонтовъ, уѣзжая въ послѣдній разъ на Кавказъ, остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ (Боденштедтъ въ это время былъ воспитателемъ дѣтей князя М. Н. Голицына). Первое впечатлѣніе отъ знакомства было настолько непріятное, что „у меня,—замѣчаетъ Боденштедтъ,—пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ... звенѣль у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скрѣбъ по стеклу“*. Особенно непріятно поразили Боденштедта выраженія, которыя Лермонтовъ употреблялъ въ обращеніи къ прислугѣ. „Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучивавъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; но ни одинъ порядочный человѣкъ—кромѣ развѣ грека или турка, у которыхъ у самихъ въ ходу точь въ точь такія же выраженія,—не рѣшился написать въ переводѣ на свой родной языкъ“...

Но когда они встрѣтились на другой день въ какомъ-то салонѣ, а не въ ресторанѣ, какъ было наканунѣ, Лермонтовъ представился Боденштедту въ иномъ свѣтѣ и совсѣмъ обворожилъ его.

А. А. Головачева-Панаева видѣла Лермонтова одинъ только разъ, не задолго до его послѣднаго отѣзда на Кавказъ, въ кабинетѣ Краевскаго. „У меня остался въ памяти—пишетъ она—пронизительный взглядъ его черныхъ глазъ... Онъ удивилъ меня своей жизнью и веселостью и нисколько не походилъ на тѣхъ литераторовъ, съ которыми я познакомилась“.

Въ воспоминаніяхъ графини А. Д. Блудовой Лермонтовъ представляется страннѣмъ смѣшнѣмъ не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человѣка и скромнаго даровитаго поэта, неумолимо строгаго въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательнаго до крайности къ собственному таланту и гордаго весьма посредственными успѣхами въ гостиныхъ. „Они скоро бы надѣли ему, еслибы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрасталь и зрѣль его высокой поэтической даръ“.

Больше всего имѣется свѣдѣній о послѣдніхъ дняхъ жизни Лермонтова: воспоминанія Э. А. Шань-Гирей („Русск. Архивъ“ 1889 г., № 6, стр. 315—320; „Новое Время“ 1881 г., № 1983; „Нива“ 1885 г., № 20; „Русск. Архивъ“ 1887 г., № 11; „Сѣверъ“ 1891 г., № 12; „Русск. Обозрѣніе“ 1891 г., кн. IV, стр. 707—712; „Новое Обозрѣніе“ 1891 г., № 2628), князя А. И. Васильчикова

— x —

(„Русск. Архивъ“ 1872 г., № 1: „Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ“), Н. П. Раевскаго („Нива“ 1885 г., №№ 7 и 8; „Разсказъ Раевскаго о дуэли Лермонтова. Записано В. Желиховской“), дѣло Слѣдственной Комиссии о поединкѣ Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ (въ Лермонтовскомъ Музѣѣ: отд. IV, № 15. Ср. „Русск. Архивъ“ 1893 г., кн. II (8), стр. 595—606), дѣло о погребеніи Лермонтова („Русск. Обозрѣніе“ 1895 г., кн. II, стр. 841—876), разсказы Христофора Саникадзе („Кавказъ“ 1891 г., № 185, и „Историч. Вѣстникъ“ 1895 г., кн. II, стр. 599—604), воспоминанія В. И. Чиляева („Историч. Вѣстн.“ 1892 г., кн. II—IV: ст. П. Мартынова „Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова“, К. И. Карпова („Русская Мысль“ 1890 г., кн. XII, стр. 68—86; ст. С. Филиппова „Лермонтовъ на Кавказскихъ водахъ“), и др.

Наиболѣе цѣнныи матеріалы даютъ воспоминанія Эм. Ал. Шань-Гирей (урожденной фонъ-Клингенбергъ, жены Ак. Павл. Шань-Гирея, двоюроднаго брата М. Ю. Лермонтова) и князя А. И. Васильчикова.

Поселившись въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ чуть не каждый день бывалъ въ домѣ матери Э. А. Шань-Гирей, М. И. Верзилиной. „Какъ сейчасъ вижу его,—вспоминаетъ Эмилия Александровна,—среднаго роста, коротко остиженный, большие красивые глаза; говорить онъ пріятнѣмъ груднымъ голосомъ; любилъ повеселиться, посмѣяться, пооstrить, затѣвать кавалькады, распоражался на пикникахъ, дирижировалъ танцами и самъ очень много танцевалъ. Въ продолженіе послѣднаго мѣсяца передъ смертью онъ бывалъ у насъ ежедневно. Здѣсь, въ этой самой комнатѣ, онъ любилъ разсказывать, танцевать, слушать музыку; бывало, сестра заиграетъ на пьянине, а онъ подсядетъ къ ней, опуститъ голову и сидѣть неподвижно часть, другой. За то какъ разойдется да пустится бѣгать въ кошки-мышки, такъ, бывало, нѣть удержу... Характера онъ былъ неровнаго, капрізного, то услужливъ и любезенъ, то разсѣянъ и невнимателенъ“... („Новое Обозрѣніе“ 1891 г., № 2628).

Личное знакомство Э. А. Шань-Гирей съ Лермонтовымъ началось, по ея собственнымъ словамъ, лишь лѣтомъ 1841 года, такъ что видѣть въ Шань-Гирей прототипъ княжны Мери изъ „Героя нашего времени“ нѣтъ никакихъ основаній.

— xi —

Князь А. И. Васильчиковъ, секундантъ Лермонтова на дуэли съ Мартыновымъ, встрѣчался съ поэтомъ и раньше, въ Петербургскихъ великосвѣтскихъ салонахъ, но болѣе близкия отношенія начались у нихъ во время послѣднаго пребыванія Лермонтова на Кавказѣ (кн. Васильчиковъ, числившійся по службѣ во II Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, сопровождалъ на Кавказъ сенатора Гана, ревизовавшаго гражданскую часть Кавказскаго Управленія). „Наше знакомство, — замѣчаетъ кн. Васильчиковъ, — не смѣю сказать наша дружба, были искренни, чистосердечны. Однако, глубокое уваженіе къ памяти поэта и добрая товарища не увлечетъ меня до односторонняго обвиненія того, кому, по собственному его выраженію, злой рокъ судилъ быть убѣйцу Лермонтова.“

„Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ какъ о частномъ лицѣ), — продолжаетъ Васильчиковъ, — было два человѣка: одинъ добродушный для небольшого кружка близкайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой — заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ этому первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни прежде всѣхъ Столыпинъ (прозванный имъ же Монго), Глѣбовъ, бывшій его товарищъ по гусарскому полку, въ послѣдствіи тоже убитый на дуэли князь Александръ Николаевичъ Долгорукій, декабристъ М. А. Назимовъ и нѣсколько другихъ близкайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежала по его понятіямъ весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и подшучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками... Лермонтовъ не принадлежалъ къ числу разочарованныхъ, озлобленныхъ поэтовъ, бичующихъ слабости и пороки людскіе изъ зависти, что не могутъ насладиться запрещеннымъ плодомъ; онъ былъ вполнѣ человѣкъ своего вѣка, герой своего времени: вѣка и времени, самыхъ пустыхъ въ исторіи русской гражданственности. Но живя этой жизнью, къ коей всѣ мы, юноши 30 годовъ, были обречены, вращаясь въ средѣ великосвѣтскаго общества, придавленного и кассированного послѣ катастрофы 14-го декабря, онъ глубоко и горько сознавалъ его ничтожество и выражалъ это чувство не только въ стихахъ „Печально я гляжу на наше поколѣніе“, но и въ ежедневныхъ, свѣтскихъ и товарищескихъ

— XII —

своихъ сношеніяхъ... Отдавая полную справедливость внутреннимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе отъ современного общества, нельзя однако не сознаться, что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей, безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность... Я, — заканчиваетъ кн. Васильчиковъ свои воспоминанія, — какъ свидѣтель дуэли и другъ покойнаго поэта..., не считаю нужнымъ ни для славы Лермонтова, ни для назиданія потомства обвинять кого-либо въ преждевременной его смерти. Эта печальный исходъ былъ почти неизбѣженъ при строптивомъ, беспокойномъ его нравѣ и при томъ непомѣрномъ самолюбии или преувеличенномъ чувствѣ чести (*point d'honneur*), которое удерживало его отъ всякаго шага къ примиренію“. („Русский Архивъ“ 1872 г., кн. I, 205—213. Ср. „Голосъ“ 1875 г., № 15: „Нѣсколько словъ въ оправданіе Лермонтова отъ нареканій г. Маркевича“).

Очень сомнительный матеріаль даютъ воспоминанія отставнаго майора В. И. Чиляева, которыми воспользовался П. Мартыновъ въ своихъ статьяхъ „Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова“.

Чиляевъ, а за нимъ и Мартыновъ пытаются доказать, что въ дѣлѣ дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ очень некрасивую роль сыгралъ князь Васильчиковъ, у которого были личные счеты съ М. Ю. „Затагивъ въ душѣ нерасположеніе къ поэту за беззощадное разоблаченіе его княжескихъ слабостей, онъ, какъ истинный рыцарь іезуитизма, сохранивъ къ нему по наружности прежнія дружескія отношенія, взялся руководить интригою въ сердцѣ кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнялъ порученное ему дѣло. Онъ сумѣлъ подстрекнуть Мартынова обуздатъ человѣка, соперничавшаго съ нимъ за обладаніе красавицей, раздуть вспышку и, несмотря на старанія прочихъ товарищъ къ примиренію, довести соперниковъ до дуэли, уничтожить „выскочку и задиру“ и послѣ его смерти прикинуться и числиться однимъ изъ его лучшихъ друзей. Отъ него самого я слышалъ, — говорилъ В. И. Чиляевъ, — такого рода отзывъ о поэтѣ: „Мишеля, чтобы тамъ ни говорили, а поставить въ рамки слѣдуетъ!“ („Исторический Вѣстникъ“ 1892 г., кн. III, стр. 712).

Противъ Э. А. Шань-Гирей Чиляевъ съ Мартыновымъ выдвигаютъ то обвиненіе, что она сначала была „даже слишкомъ благо-

— XIII —

склонна^{*} къ Лермонтову, а потомъ предпочла ему Мартынова. „Все было сдѣлано съ ея стороны, чтобы завлечь „петербургского льва“, несмотря на его некрасивость. Взглядъ ея былъ нѣженъ, бесѣда интимна, разговоръ коротокъ (она называла его просто *Мишель*), прогулки и *tête-à-tête*'ы продолжительны, и счастье, казалось, было ужъ близко... какъ вдругъ дѣвица перемѣнила фронтъ. Ея внимание привлекъ другой, болѣе красивый и обаятельный мужчина. Мужчина этотъ былъ Н. С. Мартыновъ. Не стѣсняясь его ухаживаніемъ за Надеждой Петровной (сестрой Эмилии Александровны), она быстро повела на него атаку, и онъ сдался. Ему стало совершенно ясно, что лучшей карьеры ему и не сдѣлать. Красавица жена и протекція тестя, бывшаго наказного атамана кавказскаго казачьяго войска, могли поставить вновь на ноги его, отставнаго майора, уволеннаго изъ службы за какую-то амурную исторію. И онъ, не задумываясь, подалъ ей руку, и антагонизмъ соперниковъ обострился. Было ли это сдѣлано съ цѣлью испытанія привязанности М. Ю., или же съ намѣреніемъ подвигнуть его на рѣшительный шагъ, или же, наконецъ, просто по внутренности и сердечному влечению къ красавицѣ Мартынову,— осталось тайною Эмилии Александровны“... (Тамъ же, стр. 706).

Какъ извѣстно, Лермонтовъ снималъ квартиру въ домѣ Чилиева, но дальше, повидимому, ихъ знакомство не простиравось; по крайней мѣрѣ, никто изъ свидѣтелей послѣднихъ дней жизни Лермонтова не называетъ Чилиева въ числѣ близкихъ къ поэту лицъ. Передаютъ даже, что когда Лермонтова похоронили, то Чилиевъ пригласилъ священника заново освятить, какъ оскверненный, тѣ комнаты, въ которыхъ жила Лермонтовъ и гдѣ лежало его тѣло („Русское Обозрѣніе“ 1895 г., кн. II, стр. 853): для характеристики отношеній Чилиева къ памяти поэта это извѣстіе, конечно, не лишено нѣкотораго интереса и значенія.

Еще съ большими недовѣріемъ слѣдуетъ относиться къ „воспоминаніямъ“ другого „майора“, В. И. Карпова, который въ это время служилъ писаремъ при Пятигорскомъ комендантскомъ управлѣніи. По рассказамъ Карпова, онъ бывалъ въ домаѣ, где собирались „далеко не всѣ, а самыя, такъ сказать, сливки Пятигорскаго общества“, „близко знала Михаила Юрьевича, былъ однимъ изъ первыхъ знакомыхъ его на водахъ, часто встрѣчался съ нимъ и послѣ и, наконецъ, въ качествѣ „официальнаго лица“ принималъ дѣятельное

участіе какъ въ административныхъ распоряженіяхъ, слѣдовавшихъ непосредственно за дуэлью, такъ и въ той судной комиссіи, которая образована была потому для разсмотрѣнія дѣла о поединкѣ между Лермонтовымъ и Мартыновымъ“. („Русская Мысль“ 1890 г., кн. XII, стр. 69 и 78—79). Любопытный отзывъ о „майорѣ“ Карповѣ даетъ Пятигорскій старожилъ, священникъ В. Эрастовъ. По словамъ В. Эрастова, Карповъ признавался ему, что, одолѣваемый газетными корреспондентами, онъ не разъ „придумывалъ различныя исторіи съ Лермонтовымъ, которыхъ съ нимъ никогда и въ жизни не было“... (Ср. „Новое Время“ 1901 г., № 9137).

Ничтожно значеніе воспоминаній и разсказовъ слуги Лермонтова Христофора Саникадзе, извозчика Чухнина, мыщанина Евграфа Чалова (ср. „Русская Мысль“ 1890 г., кн. XII, стр. 83—85) и другихъ Пятигорскихъ старожиловъ.

Не лишены интереса и общественнаго значенія официальные документы, относящіеся къ послѣднимъ днамъ жизни Лермонтова, а именно — слѣдственное дѣло о дуэли и дѣло о погребеніи.

Несомнѣнно, что чрезвычайно цѣннымъ источникомъ для біографіи Лермонтова служатъ письма поэта, къ сожалѣнію, сохранившіяся въ очень ограниченномъ количествѣ, а также художественно-литературная произведенія; но послѣдними, какъ біографическимъ материаломъ, конечно, слѣдуетъ пользоваться съ извѣстною осторожностью и не слишкомъ преувеличивать автобіографическое значеніе отдѣльныхъ произведеній *).

*) Изъ біографическихъ очерковъ Лермонтова слѣдуетъ указать:

П. А. Висковатовъ. М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество. М. 1891; его же статьи въ „Русск. Мысли“ 1881—84 гг.; А. М. Скабичевскій. М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. 2. СПБ. 1905. („Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова“); И. И. Ивановъ. М. Ю. Лермонтовъ статья при I т. художественного изданія сочиненій Лермонтова Т-ва Кушнеревъ и К° и книжн. магазина Прынишникова (М. 1891 г.); его же статья въ XVII т. Энциклопедич. Словаря изд. Брокгаузъ-Ефрона; его же статьи при З иллюстр. изданій Т-ва Сытина (М. 1908); А. И. Введенскій. М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и произведения — статья при I т. Полн. собр. сочин. Лермонтова, изд. Т-ва „Прогресс“ (СПБ. 1903).